

ВЕЛИКИЙ ДРУГ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

дый человек доброй воли на земле. Что я могу прибавить к нему нового?

В день девяностолетия его первого младенческого крика, превратившегося затем в могучий голос, призывавший к великой дружбе народов, и уважению человеческого в человеке, к борьбе за торжество социальной правды на земле, хочется говорить не о сухих фактах и датах, а о горячем сердце художника и гражданина,

впервые воспевшего созидательный труд, как силу облагораживающую и возвышающую человека.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, в чем более всего выразилось истинное величие Горького как писателя нового типа?

В великом уважении и любви к человеку, творцу и создателю всех ценностей и всей красоты на земле. Не человек, сложивший свое оружие у ног победителя-насилника и смиренно переносящий все злые тяготы уродливой жизни своей, а человек борьбы, человек вдохновенного труда, великодушный мечтатель и чудесный жизнелюбец — вот кому отдал он все свои силы и кого воспел он в творениях своих. Он умел смотреть глубоко в душу человека и открывать в ней несметное богатство сил и искренней радости этому. Именно поэтому его всегда оскорбляла бездумная грубость и тупое равнодушие к человеку. Еще в феврале 1917 года, в письме к начинающему тогда свой писательский путь Всеволоду Иванову Горький писал: «...И вот еще что: в Ваших рассказах много удалства, но—это дешевое удалство, пустое. Молодыми и телюта удалы, — понимаете? А Вы ищите за всем спотским—человечье, доброе. Не все люди—«стервы», далеко не все, хотя они и одичали за последнее время. Знайте, что всем нам, знающим жизнь, кроме человека, не во что верить. Значит — надо верить в себя, надо знать, что Вы не только судья людям, но и кровный их друг. Не грубите очень-то».

Это глубоко оптимистическое убеждение, что «человечье» в человеке не умирает никогда, что оно в зверином частнобственностием мире порою лишь прикрывается защитительной броней низмизма и грубости, ибо «с волками жить—по-волчьи выть» нашло свое яркое художественное выражение во многих произведениях Горького, из коих назову хотя

бы ряд образов из пьесы «На дне» или потрясающий по трагической силе своей небольшой рассказ «Страсти-мордасти». Надо было, действительно, очень любить человека—это несчастнейшее создание в том старом мире, чтобы увидеть святой образ нежной и любящей матери в потерявшей человеческий облик пьяной проститутке, или — чтобы величавые слова: «Человек! Это — великолепно... это звучит... гордо!» вложить в уста опустившегося на самое дно жизни босняка Сатина.

Из огромной, всеобъемлющей любви к многострадальному человечеству, блуждающему в страшных джунглях капиталистического мира, рожден и самоотверженный, героический образ Данко, осветившего своим пылающим сердцем дорогу людям из темного леса. И разве не та же беззаветная любовь к своим товарищам—рабочим, поднявшимся против своих хозяев-насилников, составляет молодого рабочего Рябцева в пьесе «Враги» добровольно взять на себя вину за убийство одного из владельцев фабрики с тем, чтобы отвести карающую руку от подлинного убийцы, Анимова, только потому, что тот сейчас нужнее для общего дела, для революции?

ДА, ГОРЬКИЙ любил человека и умел, как никто, радоваться его успехам, его творческим достижениям, его победам над трудностями. Его большому, горячему сердцу было совершенно чуждо чувство зависти, чувство недоброй ревности к чужому успеху. И происходило это, как мне кажется, не от чрезмерной христианской добродетельности, а от его исключительно высокой оценки литературы как беспримерного подвига в душевных условиях самодержавного царизма. Всякое действительно талантливое произведение он считал поэтому еще одним мощным ударом по основам этого проклятого строя, во имя грядущего освобождения и счастья всего поработанного человечества. Это сознание открывало его, еще больше утверждало его в великой правде своей веры в человека, в его неограниченную талантливость — и уже не оставалось места для зависти и для иных недобрых чувств по отношению к людям, создавшим яркие произведения.

Так, прочитавши «Преображение» Сергеева-Ценского, Горький пишет ему в июне 1923 года: «Прочитал «Преображение», обрадован, взволнован, — очень хорошую книгу написали Вы, С. Н., очень блистательно берет за душу и возмущает разум, как все хорошее, настоящее, русское. На меня оно всегда так действует: сердце до слез радо, ликует: ой, как это хорошо, и до чего наше русское, мое!.. Хвалить Вас я могу долго, но боюсь надоесть. В искренность же моих похвал — верьте, ведь мне от Вас ничего не надо, надо мне одно: поделиться с Вами радостью...»

В сентябре того же года он обращается к Стефану Цвейгу с таким письмом: «Я почти ничего—кроме имени Вашего—не знал о Вас, Цвейг, до поры, пока не прочитал два рассказа Ваши — «Амок» и «Письмо незнакомки». Первый рассказ не очень понравился мне, второй же взволновал меня до глубины души его потрясающе искренним тоном, его нечеловеческой нежностью отношения к женщине... Читая этот рассказ, я смеялся от радости—так хорошо Вы сделали это! И бесстыднейше плакал

от сострадания к Вашей героине, от нестерпимого волнения, которое вызывает ее образ и печальная песнь ее сердца».

УДИВИТЕЛЬНАЯ черта эта—черта сугубо горьковская — во всей масштабности своей раскрывается в грандиозной работе Горького по тесному сближению друг с другом литератур народов России через посредство переводов творений авторов многочисленных народов Российской «империи» на русский язык. Две чрезвычайно важные и политически очень актуальные задачи ставил Горький перед этим культурным начинанием. **Первая:** познакомить друг с другом эти народы, достойные культуры одного народа сделать достойным всех народов, раскрыть их душу, отраженную в их наилучших художественных созданиях и тем самым выявить то общее для них, то глубоко народное, что безусловно должно объединить их в одну могучую, свободную братскую семью, основанную на взаимопонимании и взаимоуважении. А это Горький считал совершенно необходимым в угарной атмосфере особенно опасных националистических страстей, разыгравшихся в период первой мировой войны. И задача **вторая:** ударить по великодержавническим настроениям известной части самого русского общества, привыкшего рассматривать все иные народности, населяющие Россию, как племена низшего порядка, которым якобы недоступно высокое искусство и кои рождены быть только в подчинении и в рабстве.

А что с подобными социально-опасными явлениями было необходимо бороться гневно и незамедлительно, об этом свидетельствует его известная статья «О кавказских событиях», опубликованная еще в 1905 году. Вот что писал он в этой статье: «Бывая на Кавказе, я всюду видел, как дружно и мирно работали рядом грузин с татаринами и армянами, как детски весело и просто они шутили, пели и смеялись, и так трудно поверить, что эти простые, славные люди ныне тупо и бессмысленно избивают друг друга, подчиняясь подстрекающей их злой и темной силе».

Этой «злой и темной» силой и была царская власть—организатор как всех еврейских погромов, так равно и армяно-татарской резни в Ереване и Баку в начале 1905 года. Надо было со всей решительностью восстановить не только межнациональный мир повсюду, где он был искусственно и предательски нарушен агентурой царизма, но и прежние глубоко добрососедские отношения и былое взаимное уважение и братскую любовь народов, внезапно ставших врагами.

И мы знаем, какую кипучую энергию развил Горький по созданию целого ряда сборников национальных литератур на русском языке, привлекая к сотрудничеству самых сведущих представителей этих литератур и всех лучших русских мастеров-переводчиков. Сам же он взял на себя ответственную работу по окончательному отбору предложенных произведений и по редактиро-

ванию подготавливаемых сборников.

В 1916 году вышел в свет Сборник армянской литературы—первый в задуманной серии сборников национальных литератур. Не говоря уже о громадном культурно-политическом значении этого издания, в составлении которого принимали самое непосредственное участие как поэт В. Терян, так и ряд других видных деятелей армянской передовой литературы, мне хотелось бы отметить, что и в этом замечательном начинании Горького, помимо всего прочего, нашла свое яркое выражение его неукротимая вера в огромную организующую роль творческого объединения народов между собою, его твердое убеждение в том, что сила народов, равно как и вернейшая гарантия их грядущей победы, заключается именно и прежде всего в их нерушимой дружбе, в их взаимном уважении, в установлении факта общности их социальных идеалов и стремлений.

ЦАРИЗМ и капитализм изуродовали жизнь народов, замордовали человека, обломали в первую голову крылья его мечты — и он потерял не только надежду на лучшие дни, но и веру в себя. Надо было сделать все, чтобы вернуть человеку и эту надежду и эту веру. В подлейших условиях царизма одна лишь литература, по мысли Горького, может совершить эту труднейшую работу по возвращению человеку его человечности, его гордости, по утверждению в нем сознания своего человеческого достоинства.

Этот благороднейший подвиг и отличает Горького от всех других писателей мира, и сегодня, в девяностую годовщину со дня его рождения, именно это и хочется отметить прежде всего.

Он создал многие тома замечательных художественных произведений, которым не угрожает ни старость, ни забвение. Они останутся вечными спутниками человечества на всем пути его к вершинам мыслимого счастья. Но великих художников слова человечество выдвинуло из недр своих немало — и Горький с ними в одном ряду, как равный среди равных.

Но Горький один и пока что неповторим как великий, неподкупный и сердечный друг страждущего человечества, как художник-борец, отдавший все свои силы, всю мощь и всю любовь своего сердца за приближение того дня, когда вчерашний раб и «верноподданный» почувствует себя подлинным хозяином и властелином жизни и смело и решительно пойдет на последний бой со всеми темными силами, отнявшими у него и синее небо, и золотое солнце над головой, и вольный дух свободы, лишь в условиях которой он может вернуть во всю ширь все свои способности и весь свой чудотворный гений.

Вот почему мы так ценим, так душевно любим нашего Горького, и вот почему—продут еще века и века — и никогда не забудет его освободительное от всех оков благодарное человечество...

Цифры и факты

ПРОИЗВЕДЕНИЯ М. Горького издавались в Советском Союзе 2366 раз.

КНИГИ М. Горького выпускались в нашей стране на 76 иностранных языках и языках народов СССР.

ТИРАЖ выпущенных в Советском Союзе книг М. Горького составляет 88 миллионов 968 тысяч экземпляров.

А. М. Горький и Роман Роллан.